

Наталья Руденко

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФАБРИКИ «СВЕТОЧ» (1918 – 1945)

Продукцией фабрики «Светоч» мы пользуемся ежедневно. Это канцелярские товары, тетради, ежедневники, папки, бумаги и еще много деловых и школьных товаров, без которых нам трудно обойтись. А между тем, информация по истории фабрики очень скудна.

Работа в Газетном зале Российской национальной библиотеки, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, Центральном государственном архиве кино-фото-фонодокументов и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, а также посещение самой фабрики и беседа с ее работниками, и наконец, анализ материалов, размещенных на сайте «Светоча», помогли мне проследить историю фабрики за 135 лет – с конца XIX до начала XXI века.

Первому, дореволюционному, периоду ее истории посвящена моя публикация «Дело Отто Кирхнера и его продолжатели» в XV выпуске сборника фрагментов краеведческих работ учащихся «Наследники великого города». В данной статье, ограничившись лишь самыми общими необходимыми сведениями о предыстории фабрики, я попытаюсь проследить те этапы развития «Светоча», которые связаны с послереволюционными годами, временем первых пятилеток и блокады Ленинграда.

Основанная 30 ноября 1871 г. на Малой Морской улице в доме № 14 двадцатитрехлетним немецким предпринимателем Отто Францевичем Кирхнером «в очень небольших размерах и с весьма ограниченными средствами» переплетная мастерская к началу 1890-х гг. настолько разрослась, что старое здание уже не удовлетворяло возросшим масштабам производства¹. Осенью 1893 г. им был приобретен участок на Петербургской стороне по адресу Большая Пушкарская ул., 16, и в 1894 г. по проекту архитектора Л. П. Андреева здесь были построены производственные здания картонажно-переплетной фабрики товарищества «Отто Кирхнер»². В 1895 г. она уже выпустила первую продукцию. При Карле Кирхнере, сыне и наследнике Отто Кирхнера, фабрика продолжала расширяться.

В 1904 и в 1914 гг. архитектором К. М. Белокуровым и инженером В. М. Блохиным был надстроен правый корпус на Большой Пушкарской ул., 16. Если в 1896 г. фабрика насчитывала 185 рабочих, то в 1905 г. на ней трудились уже 450 человек, а в 1915 г. численность рабочих достигла двух тысяч. Ассортимент выпускаемой продукции постоянно расширялся и пользовался большим спросом у населения всей России. Развитие производства было приостановлено в годы Первой мировой войны, когда хозяева фабрики, немецкие подданные Карл и Франц Кирхнеры, были сосланы в Архангельскую губернию³.

¹ Эйзен И. М. Очерк истории переплетного дела к двадцатипятилетию Переплетной фабрики О. Ф. Кирхнера в С.-Петербурге. СПб., 1896. С. 14.

² Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : Справочник. СПб., 1996. С. 19.

³ История фабрики «Светоч»: Аудиокассета к 130-летию юбилею. 2001. – Архив фабрики «Светоч».

После Октябрьского переворота 1917 г. старые владельцы полностью утратили контроль над производством. Их положение усугубил пожар, который произошел на фабрике в августе 1918 г. и на полгода прервал ее работу. В поджоге были обвинены хозяева фабрики, хотя никаких веских причин для этого обвинения не было. Тем не менее собрание рабочих фабрики приняло следующие решения:

«Фабрику ни в коем случае не отдавать прежним владельцам исходя из следующих соображений:

Ясно было выражено, что доверенный владельцев Гульбе не желал пустить фабрику в ход и всеми способами старался оттянуть ремонт в продолжение шести месяцев простоя фабрики; по отношению к ремонту электрической станции ничего сделано не было со стороны прежней администрации. И в то время, как прежние владельцы на заседании СХ СР указывали, что производство может быть восстановлено по истечении семи месяцев, выборное правление сумело восстановить и пустить в ход фабрику через три недели, а также дало работу для 300 человек рабочих.

Хотя старые владельцы и изъявляют желание работать под контролем рабочих, но на этом внимание останавливать не приходится, ибо это пустые слова, и у нас нет никакой гарантии, что через два месяца со стороны предпринимателя не последует вновь проявление саботажа и фабрику не постигнет какое-либо несчастье...

Фабрика не может быть возвращена еще потому, что тактика рабочего класса сама говорит, что нами борьбой взято, того никогда не должны мы отпустить, каких бы усилий оно нам ни стоило.

Рабочий класс как таковой должен идти и идет по пути к уничтожению капитализма и на создание социализма»⁴.

27 августа 1918 г. Президиум Высшего Совета народного хозяйства принял решение о национализации фабрики. В этом решении говорилось:

«1. Изъять из ведения бывших владельцев национализированную согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 28 июля сего года фабрику “Отто Кирхнер” и передать ее в полное ведение Республики.

2. Утвердить правление этой фабрики в составе Л. К. Довторта как представителя профессионально организованных рабочих, С. А. Павлова и Н. И. Щербова от Совета народного хозяйства Северного района.

3. Именованную эту фабрику государственной фабрикой “Светоч”.

4. Поручить управлению делами согласно просьбе представителя бывших владельцев этой фабрики выдать удостоверение о национализации этой фабрики декретом Совета Народных Комиссаров от 28 июня с. г.» (Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 7 – 8).

С получением этого решения финансовые затруднения сразу же отпали, так как были открыты текущие счета в Центральном государственном банке и в девяти его отделениях. Помимо этого, в распоряжение фабрики поступили склад готовых изделий и контора в Москве со своей товарной и денежной наличностью. И, наконец, открылся еще один источник денежных средств для предприятия: страховое общество «Россия» под разными предлогами уклонялось от уплаты 500 тысяч рублей за убытки от пожара, но после национализации фабрики и этот вопрос был ре-

⁴ ЦГА СПб. Ф. 1125. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 5 – 6. (В дальнейшем ссылки на материалы этого архива и фонда даются в тексте с указанием только описи, единиц хранения и цитируемых листов).

шен положительно. Теперь фабрика имела достаточно денежных средств для нормальной работы⁵.

Рабочим не хватало знаний. Нужны были опытные, технически грамотные специалисты, чтобы поставить фабрику на ноги и сделать ее прибыльной. Буржуазные специалисты из старых служащих фабрики потребовали высоких окладов. Новое правление решило согласиться на такие условия, но лишь на первое время. «Примерно с полгода на фабрике будут работать старые специалисты. Затем к управлению предприятием будут привлечены наиболее грамотные и способные члены фабкома, которые за это время войдут в курс и научатся вести дело несколько не хуже, а может, даже и лучше приглашенных специалистов», – считал председатель правления С. А. Павлов.

Развязка произошла значительно раньше, чем думали в правлении фабрики. В скором времени выяснилось, что не все специалисты оправдали доверие рабочих. Из шести приглашенных остался только А. П. Рейман – эстонец по национальности, работавший у К. Кирхнера мастером в календарном отделении. Он был приглашен как управляющий фабрикой и заведующий распределительным бюро с окладом 1 400 рублей в месяц. А. П. Рейман зарекомендовал себя опытным, распорядительным и вполне работоспособным человеком. Поэтому уже в январе 1919 г. он возглавил работу технического отдела фабрики (теперь должность главного инженера) и проработал в этой должности до 1932 г. На остальные должности были выдвинуты рабочие (Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 9 – 10).

Перед коллективом фабрики встала задача наладить выпуск календарей на 1919 г. Будучи до революции самым крупным поставщиком разнообразных календарей для всей страны, фабрика и сейчас не хотела уступать приоритета в этой области. Работали в три смены, и 13 ноября 1918 г. правление фабрики рапортовало в отдел внутренней торговли совнархоза Северного района о выполнении первого государственного задания⁶. Фабрика снова заняла свое место в производственном строю, но теперь уже как национализированное государственное предприятие.

Прошли годы войн и потрясений, военного коммунизма и НЭПа. Наступили годы первых пятилеток. Как жила фабрика в это время? Об этом дают представление годовые отчеты за 1929 – 1931 гг., приказы и распоряжения по фабрике с 1935 по 1965 гг. (включая период блокады Ленинграда) и другие документы – более чем на 1 600 листах (Оп. 5 – 8). Дополняют информацию о повседневной жизни фабрики материалы 28 номеров газеты «Светоч» за 1928 – 1929 гг., хранящиеся в Газетном зале Российской национальной библиотеки.

Так мы узнаем, что в 1929 г. состоялся перевод работы фабрики на 5-дневную рабочую неделю и на 7-часовой рабочий день при непрерывной рабочей неделе. Всего на предприятии в 1928 г. работали 710 человек, в 1929 – 1930 гг. – 1 350 чел., из них 1 128 рабочих и 128 служащих (Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 1).

В одном из более поздних приказов содержится ценная информация о количестве рабочих по цехам:

«Наборный – 33 чел.; Печатный – 50 чел.; Конвертный – 102 чел.; Конторский – 136 чел.; Календарный – 148 чел.; Тетрадный – 196 чел.; Механический – 98 чел.; Столярный – 30 чел.; Закройный – 42 чел.; Крышечный – 118 чел.; Позолотный – 52 чел.; Мапочный – 153 чел.; Склад сырья – 28 чел.; Склад готовых изделий – 39 чел.; Контора – 60 чел.; Картузный – 32 чел.; Контрольно-браковочный –

⁵ Васильева В. Н. Рабочие фабрики «Светоч» в трех революциях. Л., 1968. С. 46.

⁶ Там же. С. 49.

49 чел.; Переплетный – 115 чел.; Линовальный – 57 чел.; Стереотипный – 8 чел. Всего: 1 546 человек» (Там же. Л. 7).

Архивные и газетные материалы дают возможность установить также и ассортимент выпускаемой в те годы продукции: тетради общие, конторские книги, блокноты, записные книжки, сшиватели, альбомы для писем, ученические тетради, папки для бумаг, конверты, календари, альбомы для грампластинок, картузы. В перечне продукции фабрики «Светоч» на март 1941 г., помимо перечисленных выше наименований, мы встречаем папки для нот, бювары, альбомы для стихов, альбомы для фото, телефонные реестры, елочные украшения (Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 20; Ед. хр. 70. Л. 134 – 136).

Фабрике «Светоч» по-прежнему доверяли и важные государственные задания. Так приказом от 11 января 1940 г. ей поручался выпуск изделий для XVIII конференции ВКП (б) (Оп. 5. Ед. хр. 70. Л. 26).

Из чего складывался технологический процесс на «Светоче» в 1930-е гг.? Чем отличался он от организации работы на фабрике Отто Кирхнера? Профессии рабочих «Светоча», их характеристики, функциональные обязанности и дневные ставки можно найти в соответствующем «Тарифно-квалификационном справочнике...»⁷.

Так, в типографском производстве выделены 19 профессий, в тетрадном производстве были заняты рабочие и работницы 23 профессий, беловое производство обслуживали рабочие также 23 профессий, номенклатура профессий в конвертном производстве включала в себя 9 наименований, в заготовительном цехе работали представители 10 профессий. Кроме того, в справочнике перечислены и так называемые сквозные профессии. Их насчитывалось до 16.

Таким образом, в технологическом процессе на фабрике «Светоч» были заняты рабочие и работницы 100 профессий. Конечно, с автоматизацией производства к концу XX века количество этих профессий значительно сократилось.

Значительная их часть была связана с механическим неквалифицированным трудом, а потому и оплачивался он низко: от 6 до 10 рублей за день. В то же время были такие редкие профессии, которые оплачивались на порядок выше. Большинство из них были связаны с работой на сложной технике. Больше всех получал переплетчик-конструктор, занятый в беловом производстве (24 рубля в день). Машинист на машинах «Ро-фа» (в линовальном отделении тетрадного производства) мог выработать в день 19 руб. 90 коп. В типографском производстве гальванопласт и печатник на книжно-журнальных ротационных машинах зарабатывали в день 19 руб. 80 коп. Ставку 18 руб. имел переплетчик комплексный (беловое производство), столько же, кстати, как и корректор. По 16 руб. 20 коп. зарабатывали за день печатник на плоских машинах, резальщик на тетрадной 3-х сторон резальной машине «Краузе» и линовщик бумаг на ротационной машине.

Приказом от 30 апреля 1937 г. на фабрике с 1 мая ввели новые оклады для инженерно-технического состава: начальнику спец. части – 350 руб. плюс 30 %, сменному инженеру – 405 руб. плюс 45 руб. за выслугу лет, товароведу (инженеру) – 600 руб., бухгалтеру – 275 руб., старшему экономисту – 450 руб., младшему экономисту – 225 руб., счетоводу 175 руб. (Оп. 5. Ед. хр. 28. Л. 103). Напомним, что при обозначенной выше дневной оплате квалифицированного рабочего его месячный заработок составлял от 432 от 576 рублей.

⁷ Тарифно-квалификационный справочник профессий белового, тетрадного и конвертного производства фабрик «Светоч» и «Сокол» в Ленинграде. Л.: Светоч, 1939.

Со страниц газеты, выходившей на фабрике в 1920 – 1930-е гг., до нас доходит живое дыхание той эпохи и подчас наивные рассуждения и предложения работников «Светоча» первого послереволюционного десятилетия.

Так, на страницах фабричной газеты живо обсуждался вопрос о культурной революции. Рабочий Виноградов заканчивает свою заметку следующим обращением: «Каждый рабочий и служащий нашей фабрики может и обязан заняться самообразовательной учебой на летний период под руководством консультантов, которые будут при к-ве ВКП (б). Записаться на самообразование можно у всех агитпропорганизаторов цех'ячеек. Все за учебу!»⁸

Автор заметки «О книге и читателе» сетует на то, что «не все, видно, рабочие и служащие фабрики знают, что в “Красном уголке” нашего предприятия находится источник необходимых нам знаний, то есть библиотека». «Товарищ-рабочий, – вызывает этот поборник чтения, – если ты одинок и тебе нужен совет, помощь или душевный отдых – запишись в число читателей и ты найдешь в книге ответ на все волнующие тебя вопросы. Книга есть неисчерпаемый источник огромных познаний, которые поднимут тебя на огромную высоту и откроют тебе широкий горизонт на Союзное земное пространство и жителей такового. Книга, говорят – друг человека! Но почему же мы избегаем этого друга? Книга учит, как нужно жить, исправлять недочеты в нашей жизни. Стыдно жить на земле и не знать, что представляет из себя жизнь, жить в свободной стране и не знать ее законов и истории, жить с людьми и не понимать их борьбы за лучшее будущее»⁹.

Автор заметки «Из наблюдений» подчеркивает, что книга нужна не только взрослым, но и детям: «В один из дней при получении книг из библиотеки фабрики мною наблюдалось, как целая ватага детей рабочих 10 – 14 лет с радостными, восхищенными лицами пришла в библиотеку и просила записать их в число читателей. Были бесконечно счастливы по-детски после того, как их записали. И нужно было видеть их разочарование, когда оказалось, что в библиотеке слишком мало литературы для детворы такого возраста. Культкомиссии Фабричного комитета, – заключает автор заметки, – необходимо озаботиться приобретением детской литературы, дабы дать возможность интересующимся юным читателям проводить время отдыха за книгой, а не на улице». И подпись – «Заботливая мамаша»¹⁰.

Даже один номер газеты «Светоч» от 29 апреля 1928 г. показывает, какие разнообразные темы волновали рабочих.

Поскольку на фабрике работало много женщин, остро стоял вопрос об открытии детской комнаты. «Пора приступить к устройству детской комнаты, – пишет работница, скрывшая свое имя за буквой Р. – Для такой работы культкомиссии необходимо составить группу из компетентных в детском мире лиц, каковые из опыта своей работы дадут дельные предложения. Комиссии необходимо учитывать все моменты таковой работы и не останавливаться на полдороги и не экономить средств, так как это скажется в будущем в работе самой детской комнаты. Чтобы заинтересовать ребенка и приучить его к комнате, в которой можно не скучать и чем-либо занять время, для этого таковой комиссии надо о чем-то подумать». После появления нескольких заметок на эту тему и критики фабкома за невыполнение наказа при фабрике был открыт детский сад.

При обсуждении темы летнего отдыха рабочих в заметке «Опыт прошлых лет» автор обращает внимание профсоюзного комитета на более тщательный отбор

⁸ Светоч. 1926. 27 мая. № 4 (83).

⁹ Там же. 1928. 16 июня. № 5 (84).

¹⁰ Там же. 29 апреля. № 3 (82).

посылаемых в Дома отдыха: «... в прошлом году неоднократно присылали отношения на пьянство того или иного отдыхающего или бузящего и не дающего рационально провести отдых другим. Чтобы не загружать дом отдыха лицами, которые не ставят себе целью отдохнуть, а только провести как-либо отпуск без затрат средств, больше внимания при посылке! В-ф».

Злободневной, судя по количеству публикаций, была тема хищений на фабрике. Как отмечает уже упомянутый нами А. П. Рейман, «... потеря производства вследствие хищения составляет значительную цифру. За 4 ¹/₂ месяца только зарегистрированные случаи хищения, т. е. на которые были составлены акты, выражаются в сумме 269 руб. 90 к. Надо полагать, что в такой мере или еще больше может выражаться сумма скрытых от заводоуправления случаев хищения, которые почему-либо не регистрировались, или скрывались самими рабочими или цеховой администрацией <...> Успешная борьба с этим злом может быть проведена только лишь при активном и сознательном участии самих рабочих, совместно с заводоуправлением. Только общим дружным усилием мы можем положить конец этому позорному явлению на фабрике».

И в газетных заметках, и в распоряжениях по фабрике постоянно ставится вопрос об увеличении производительности труда, снижении себестоимости выпускаемой продукции. Не случайно особое место во многих приказах по фабрике занимает рационализаторское движение. В этой связи особый интерес представляет брошюра «Темы для рационализаторов и изобретателей», изданная на фабрике в 1937 г. и ныне хранящаяся в Российской национальной библиотеке. В ней задача активизации движения рационализаторов и изобретателей связывается с «общими задачами экономии производства, поставленными перед всеми предприятиями полиграфии города». В брошюре выдвигается лозунг «дать дорогу творческой мысли по усовершенствованию техники, механизации ручных производств», «повысить производительность труда, решительно улучшить качество продукции и снизить себестоимость». В этом документе проработан весь механизм рационализаторской деятельности на фабрике от подачи предложений до их внедрения, установлены размеры вознаграждения за изобретения и технические усовершенствования. В зависимости от процента экономии, достигнутого в результате внедрения изобретения, устанавливалось вознаграждение от 500 до 1 000 000 рублей, а за технологическое усовершенствование от 500 до 50 000 рублей.

Характерно для этой эпохи то, что в документе, представляющем практическое руководство для изобретателей и рационализаторов, большое место занимает официальная пропагандистская риторика: говорится об огромном внимании, которое уделяют организации и широкому развитию изобретательского дела «советское правительство, партия и лично вождь и учитель тов. Сталин»; об огромных победах советского народа, которые, по мысли авторов брошюры, «не могли не вызвать озлобления у врагов народа – троцкистов, этих подлых наймитов германского и японского фашизма, рассчитывающих на восстановление капитализма в нашей стране...». Далее в этом документе читаем: «В ответ на вредительские акты, мы дадим еще больше предложений и встретим XX годовщину Великой социалистической революции со 100 процентным выполнением своих обязательств и выполнением прод. и финплана»¹¹.

Эпоха сталинизма не могла не затронуть повседневную жизнь фабрики и судьбы ее работников. Документы этого периода собраны в описи № 5 ЦГА СПб.

¹¹ Темы для рационализаторов и изобретателей. Л., 1937. С. 37 – 39.

В мае 1935 г. было проведено совещание по вопросу о перестройке работы на основе речи товарища Сталина от 4 мая 1935 г. об экономии. По указанию Наркомпроса РСФСР от 29 мая 1935 г. выпущен приказ директора Анисимова:

«На первой странице обложки тетради должен быть помещен один из портретов вождей: Маркса, Ленина, Сталина, Ворошилова или портреты писателей: А. С. Пушкина (1799 – 1837), Н. А. Некрасова (1821 – 1877), М. Горького, И. А. Крылова (1768 – 1844), А. П. Чехова (1860 – 1904), Демьяна Бедного, М. Ю. Лермонтова (1814 – 1841), А. С. Серафимовича и др.»

В другом приказе, от 23 октября 1937 г., содержится распоряжение «о повышении качества альбомов для грампластинок с докладом т. Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов ССР» (Ед. хр. 9. Л. 131; Ед. хр. 28. Л. 110).

В 1930-е гг. фабрика носила имя видного партийного и государственного деятеля Андрея Сергеевича Бубнова. Этот факт отражает общую для тех лет тенденцию присвоения различным государственным учреждениям имен партийных и государственных деятелей еще при их жизни. С 1929 по 1937 г. А. С. Бубнов был наркомом просвещения РСФСР. Этим, видимо, и мотивирован выбор имени для фабрики. В 1937 г. Андрей Сергеевич Бубнов был объявлен «врагом народа» и репрессирован. Приказом от 21 апреля 1938 г. было категорически запрещено пользоваться всевозможными бланками, рапортчиками, счетами, накладными, требованиями, конвертами и т. д., имеющими марку Бубнова. Все имеющиеся предписывали сдать в Управление не позднее 23 апреля 1938 г. (Ед. хр. 42. Л. 41).

Затронул фабрику «Светоч» и печально известный указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., в котором устанавливалась уголовная ответственность за опоздание на работу. Так, из одного из приказов узнаем, что «работница Иванова Е. Д. не явилась на работу 29.12.1940 г., а явилась 30.12 ошибочно». Ее дело было передано в Нарсуд для определения уголовной ответственности (Ед. хр. 70. Л. 6).

За опоздание на 5 минут работнику было «поставлено на вид», на 16 минут – объявлен «строгий выговор» (Ед. хр. 42. Л. 8). Дело работницы, которая опоздала на работу на 33 минуты, т. к. часы испортились после дезинфекции, а также дело плотника, явившегося на работу 8 января 1941 г. в нетрезвом виде, были переданы в нарсуд. Подобного рода распоряжений в просмотренных делах содержится множество.

Напрашивается сравнение с фабрикой Отто Кирхнера, где с рабочих, допустивших нарушения трудовой дисциплины, взимали только штрафы.

И все-таки и в это жестокое время дирекция фабрики во главе с тов. Анисимовым (его имя и отчество в приказах отсутствуют) пыталась улучшить условия труда и быта рабочих.

В 1938 г. на ул. Желябова, д. 2 для работников фабрики было открыто общежитие (Ед. хр. 42. Л. 78).

8 января 1938 г. состоялся детский праздник елки в помещении клуба фабрики (Там же. Л. 42). Следует отметить, что подобные праздники были новым явлением в жизни страны, т. к. «елка» как наряженное деревце и как детский праздник долгие годы была под запретом.

Не всегда все удавалось. Так, приказом от 29 мая 1938 г. «рабочим, проработавшим на фабрике непрерывно 5 лет и больше» в 1938 г. предоставлялся дополнительный отпуск за выслугу лет: «от 5 до 10 лет – 3 дня дополнительно, от 10 до 15 лет – 6 дней, от 15 и выше – 9 дней» Однако распоряжением от 13 октября 1938 г. «ввиду несанкционирования ЦК Союза полиграфической промышленности

Севера дополнительного соглашения к коллективному договору с 13 октября 1938 года все указанные выплаты и дополнительные дни к отпуску отменялись» (Там же. Л. 60, 139).

Значительный интерес для воссоздания истории фабрики «Светоч» представляют приказы о кадровых назначениях. С 1935 по август 1937 г. директором «Светоча» был товарищ Анисимов. Его подпись стоит под всеми документами этого времени. Распоряжением от 27 августа 1937 г. временно исполняющим должность директора назначен тов. Паулин (Там же. Л. 110), а с 15 ноября 1937 года директором фабрики становится тов. Куракин, а Паулин назначен техническим директором (Там же. Л. 117). Характерно, что во всех приказах отсутствуют не только имена и отчества работников фабрики, но даже их инициалы.

В приказах по фабрике отразилась и тревожная нотка, связанная с нарастающей военной угрозой. Так, например, 13 июня 1937 г. состоялась общефабричное «тренирование» по походу в противогасах в рамках подготовки к гражданской обороне в предчувствии возможной войны (Там же. Л. 83). Подобные «тренировки» повторялись вплоть до 1941 г.

Тем не менее в 1941 г. фабрика живет нормальной жизнью: «23 января принято в эксплуатацию новое здание – детясли по Гулярной ул., д. 13-15», а весной «телефонисток внутренней сети переводили на 6-ти часовой рабочий день» (Ед. хр. 70. Л. 94, 262). Время работы фабрики в предвоенные годы было установлено с 9 часов утра до 17³⁰. Благоустроивалась территория предприятия. В одном из многочисленных распоряжений по этому поводу содержится указание на разборку старой узкоколейки, с дореволюционных времен располагавшейся на фабричном дворе (Ед. хр. 28. Л. 104).

Приказ от 11 апреля 1941 г. дает нам представление о фабрике «Светоч» на Большой Пушкарской, 18 перед самой войной: «Фабрика занимает площадь 9 316 кв. метров, из них под постройками – 6 625 кв. метров. Площадь дворов: 22 691 кв. м. Высота строения главных корпусов – 5 этажей. Все строения находятся в большой скученности, дворы являются только проездами шириной 5 – 7 метров».

Здесь же сообщается о том, что «на фабрике работают 1 382 человека. Из них мужчин – 345 чел. и женщин – 936 чел. Инженерно-технический персонал составляет 101 человек»; «фабрика работает в три смены: дневная – 807 чел, вечерняя – 295 чел., ночная – 25 чел.» (Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 21).

В приказе, подписанном начальником фабрики Куракиным 3 марта 1941 г., содержится информация о плане мероприятий по противохимической защите (против иприта). Своего газоубежища фабрика «Светоч» как объект МПВО не имеет, пропускников и душей тоже нет. Поэтому, как следует из документа, «обработка поврежденных стойкими ОВ производится в поликлинике № 34 (Б. Пушкарская, 24) и пропускник находится рядом с ней в Пушкарских банях» (Там же. Л. 8 – 9).

В справке от 12 марта дается характеристика подвалов фабрики, как потенциальных бомбоубежищ: «Площадь подвала III корпуса = 420 кв. м, II корпуса = 310 кв. м. Общая площадь составляет 730 кв. м. Объем – 1 800 кв. м, что дает возможность укрыться $730,0 : 0,7 = 1\,043$ чел. на период только 1 – 1,5 часа, после чего необходимо подавать и очищать воздух.

Горячей воды нет. Туалетов нет. Подвалы находятся ниже уровня грунтовых вод. Емкость подвалов велика и при прямом попадании авиабомбы могут быть большие потери. Денег же на оборудование убежищ дают недостаточно» (Оп. 5. Ед. хр. 70. Л. 39).

Все эти документы свидетельствуют о том, что за четыре с небольшим месяца до начала войны фабрика была не готова к защите ни от бомбежек, ни от возможной химической атаки.

Война, которую столько предсказывали, пришла неожиданно и страшно. У всех были разные военные дороги: уходили на фронт мужчины, эвакуировались предприятия, а кто-то оставался на своих рабочих местах. Ленинград жил, еще не зная, какую страшную участь ему приготовила война. Судьба фабрики неотделима от истории города, от людей, которые трудились в блокаду. Под артиллерийским обстрелом и бомбежкой голодные женщины и дети работали, теряя родных и близких.

Помимо записных книжек и тетрадей, которые выпускались и во время блокады, на фабрике шили обмундирование для военных. Все рабочие были на казарменном положении и жили на фабрике. От голода они спасались животным клеем, который использовался в производстве. И по воспоминаниям рабочих, им было из-за этого легче. Они работали день и ночь, с небольшим перерывом на сон¹².

В приказы по фабрике первых дней войны вводятся отдельные пункты, свидетельствующие о военном положении: об усилении охраны предприятия, «об усилении пожарно-сторожевой охраны из состава рабочих фабрики, и ужесточении пропускного режима и о повышении бдительности по законам военного времени» (Оп. 5. Ед. хр. 70. Л. 298, 316).

30 июня 1941 г. был закрыт детский сад, а 2 июля эшелон с эвакуированными детьми рабочих фабрики был отправлен в Иршенский район, его сопровождали 24 взрослых: начальник лагеря, заведующий административно-хозяйственной частью, врач, 2 медсестры, 6 педагогов, 4 воспитательницы, няни – 6 чел., 2 повара (Там же. Л. 326).

Приказы военного времени касаются различных сторон жизни предприятия, но содержание любого из них определяется войной:

8 июля 1941 г. был издан приказ о сборе металлолома для переплавки и последующем изготовлении боевой техники.

В приказе от 10 июля 1941 г. сообщается о том, что «в ответ на призыв т. Сталина телефонистки телефонной станции фабрики просят увеличить их рабочий день с 6 до 8 часов с 12 июля» (Там же. Л. 337).

Запрещено увольнять жен призванных в РККА (Там же. Л. 350).

Условия военного времени требовали особых мер по сохранению секретности промышленных объектов. В документе от 8 ноября 1941 г. с грифом «совершенно секретно» помещен приказ начальника МПВО района начальнику МПВО объекта «Светоч»:

«1) с 10-го ноября 1941 года при передаче по телефону боевых донесений в штаб МПВО района название своего объекта передавать зашифрованным текстом по следующей схеме: шифр № 230 – и время 23²² и дальше передается открытым текстом характер поражений, разрушений.

2) Вашему объекту присвоен № 230» (Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 152).

О том, как работала фабрика «Светоч» в самый тяжелый период блокады Ленинграда, от зимы 1941 до зимы 1942 г., скупо сообщают строки приказов и распоряжений, хранящиеся в архиве. В единице хранения 80 описи № 6 собраны документы с 24 января до 26 декабря 1942 года¹³. В это время впервые директором фаб-

¹² История фабрики «Светоч»: Аудиокассета к 130-летнему юбилею.

¹³ Далее в тексте ссылки на листы этой единицы хранения.

рики становится женщина – тов. Алексеева. Это и понятно: женщины заменили мужчин, призванных в ряды Красной Армии, на многих ответственных участках. Нельзя без волнения читать приказ № 5 от 19 февраля 1942 г., где речь идет о порядке выдачи продуктовых карточек в цехах фабрики, или приказ № 8 от 7 марта того же года – «О праздновании Международного коммунистического женского дня 8 марта».

В приказе, подписанном тов. Алексеевой, говорится о самоотверженной работе женщин фабрики «на оборонительных сооружениях, на производстве, в командах МПВО». Директор фабрики особо отмечает, что в условиях блокады ни от одной из женщин не было «ни отказа от работы, ни морального упадничества». «За проявленную стойкость, мужество и дружную работу» директор объявляет благодарность коллективу женщин и премирует их «скромными подарками (духами)». Заканчивается приказ призывом: «Я уверена, что коллектив работниц нашей фабрики и впредь будет работать еще больше и лучше, помогая своей работой фронту, стойко переносить все трудности и лишения, вызванные войной с фашистской Германией и будет вести борьбу со всякими паникерами, нытиками, будет соблюдать железную дисциплину, будут бдительны и стойки. До полной Победы над гитлеризмом» (Л. 34).

Из справки от 2 мая 1942 г. «Об объеме и стоимости разрушений, вызванных условиями военного времени Гос. фабрики беловых товаров “Светоч”», мы узнаем о том, что «в связи с артиллерийскими обстрелами прилегающих к фабрике домов, вылетели стекла в фабричных зданиях в количестве 327 кв. м, плановая стоимость стекол 7 р. 73 к., таким образом убытки составляют сумму 2 528 руб.» (Л. 58).

А вот еще одно характерное для блокадных лет распоряжение от 5 августа 1942 г. на имя директора подсобного хозяйства тов. Андреевой: «... срочно, сегодня же в ночь, засадить гряды вышедшей свеклы рассадой капусты в количестве 10 т<ыс.> ш<тук>... сделать соответствующую подкормку, установить особое и тщательное наблюдение» (Л. 62).

Буднично, в духе мирного времени звучит приказ № 28 от 12 октября 1942 г.: «На основании предписания райздравотдела о проведении прививок против брюшного тифа... всем работающим на фабрике явиться в медпункт фабрики для производства таковых» (Л. 29).

Из праздничного приказа № 31 от 4 ноября 1942 г. по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «ни холод зимних месяцев, ни отсутствие электроэнергии, ни голод самых жестких дней блокады не смогли сломить стойкость, целеустремленность фабричного коллектива...», и далее о результатах социалистического соревнования, посвященного 25-летию Великого Октября – «план октября выполнен на 110,2 %, производительность труда на 102,19 %. Набирая темпы, фабрика снабжает Красную Армию и население остродефицитными изделиями широкого потребления: конверты, блокноты, тетради и др.» (Л. 35).

Из приказа следует, что в годы Великой Отечественной войны фабрика не изменила профиля своего производства и ее вполне мирная продукция была по-прежнему остро востребована.

Алексеева проработала директором фабрики с 1941 по 1944 гг. – самые трудные для фабрики блокадные годы. С января 1945 г. под приказами появляется подпись нового директора Н. С. Аверина (Л. 102). С его деятельностью связана работа фабрики в последние месяцы войны и первые очень непростые для всех работников «Светоча» послевоенные годы.